

■ ■ ■ Выявление социальных барьеров в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций приграничных регионов¹

Зотов В.В.¹, Алексеенко А.И.²

1. Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) (МФТИ), Москва, Российская Федерация.
2. Юго-Западный государственный университет (ЮЗГУ), Курск, Российская Федерация.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных мер локализации и преодоления возможных отрицательных последствий этноконфессиональных процессов в приграничных субъектах РФ, что достигается при развитом уровне этноконфессионального пространства публичных коммуникаций. Методология организации такого пространства базируется на концепции менеджмента публичных ценностей, которая рассматривает общественное развитие через призму активного вовлечения заинтересованных сторон в обсуждение общественно значимых задач и участию в процессе реализации принятых решений. Целью работы является определение социальных барьеров данного пространства, затрудняющих взаимодействие его стейкхолдеров. Методами исследования стали систематизация публикаций, которая позволила раскрыть сущность понятия «социальный барьер коммуникации», осуществить их классификацию, а также экспертный опрос, проведенный авторами в 2020 годах среди представителей основных заинтересованных сторон, позволившего определить уровень проявления выделенных социальных барьеров.

Научная новизна обусловливается введением определения социальных барьеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций, авторской классификации данных барьеров исходя из структуры двусторонней симметричной коммуникации, в рамках которой можно выделить коммуникаторов, сообщение, каналы, эффективность / результат и ситуация. Такая классификация позволила выделить следующие социальные барьеры коммуникаций: для коммуникаторов эти барьеры проявляются как низкая активность и инициативность, различия тезаурусов коммуникаторов и их низкая коммуникативная и коммуникационная компетентность; для сообщений – это фальсификация сообщений и имитация процесса коммуникации; для каналов коммуникации – это их несовпадение и барьер обратной связи; для ожидаемого результата – это его рассогласование; для ситуации коммуникации – это смещение актуализации событий. По данным экспертного опроса среди данных барьеров ключевыми следует назвать низкую активность и инициативность представителей заинтересованных сторон, стремление к имитации процесса коммуникации вместо реального диалога и партнерства, отсутствие обратной связи (отсутствие реакции одних заинтересованных сторон на действие других).

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения, приграничный регион, пространство публичных коммуникаций, стейкхолдеры, социальные барьеры, предотвращение конфликтов, гармонизация отношений, национальная политика

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-011-00835 А «Формирование пространства публичных коммуникаций как условие снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов в приграничных регионах».

Для цитирования: Зотов В.В., Алексеенко А.И. Выявление социальных барьеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций приграничных регионов // Коммуникология. 2021. Том 9. № 1. С. 139-150. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-1-139-150.

Сведения об авторах: Зотов Виталий Владимирович – доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии МФТИ; Алексеенко Александр Иванович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии ЮЗГУ. Адрес: 141701, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, пер. Институтский, 9. E-mail: om_zotova@mail.ru; alex-2-alex@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 10.01.2021. Принята к печати: 22.02.2021.

Концепции менеджмента публичных ценностей как новая методологическая основа этноконфессионального пространства публичной коммуникации

К регионам, наиболее уязвимым к дестабилизирующим факторам, следует отнести приграничные субъекты РФ, которые в силу своего геополитического положения занимают одно из значимых мест в системе национальной безопасности. В этом плане крайне сильно проявляется геополитический аспект взаимосвязи национальной безопасности и миграции, в частности, этнический контекст миграции. Увеличение социальных групп, отличающихся друг от друга по этноконфессиональной принадлежности, накладывается на рост внутренних факторов, способствующих росту депрессивности региона, а именно невысокие доходы и плохое материальное благополучие населения в субъектах РФ, большой уровень безработицы и страх утраты работы у значительной доли занятого населения, высокие цены на коммунальное обслуживание и товары первой необходимости, нехорошее состояние здоровья и проблемы с лечением, малокомфортное жильё и неосуществимость решения «квартирного вопроса».

Это повышает вероятность возникновения межнациональных конфликтов, поэтому для российских регионов проблема налаживание диалога и партнёрства между представителями заинтересованных сторон представляется значимой и актуальной. Решение противоречий видится в развитии регионального этноконфессионального пространства публичной коммуникации, в рамках которого организуется диалог и партнёрство между всеми заинтересованными сторонами по решению проблем в сфере межнациональных отношений, при этом обе стороны должны стремиться к согласию, идя на определенные уступки, изменяя или, точнее сказать, адаптируя свое поведение к принятию взаимоприемлемых решений с целью относительно безболезненного выхода из создавшегося положения. Методология организации такого пространства базируется на концепции менеджмента публичных ценностей, которая рассматривает общественное развитие через призму активного вовлечения самих граждан в обсуждение общественно значимых задач и участию в процессе реализации принятых решений [Волкова]. Данная концепция провозглашает необходимость расширения круга заинтересованных лиц, вовлекаемых в процесс разработки

и/или реализации государственной политики в тех или иных областях, что способствует ослаблению традиционных бюрократических механизмов и повышает эффективность деятельности государства. Вопрос о сетевой форме публичного управления, принципиальным образом изменяющей статус органов власти во взаимоотношениях с обществом, одним из первых поставил Р. Родес [Rhodes].

Обращение к данной концепции в рамках реализации национальной политики требует исследование этноконфессионального пространства публичных коммуникаций с целью повышения эффективности его организации. Именно в рамках такого пространства возможно налаживание диалога и партнёрства при решении межнациональных и межконфессиональных проблем при условии преодолении социальных барьеров между представителями заинтересованных сторон. К основным представителям заинтересованных сторон следует отнести региональные и федеральные органы власти; медиаторов в лице комиссий по межнациональным и межконфессиональным отношениям; структуры гражданского общества, представленные религиозными объединениями, некоммерческими организациями, созданные по национальному признаку; политическими партиями; молодежными объединениями и казачеством; массмедиа всех уровней; местное сообщество, в том числе лидеры общественного мнения, представители национальных диаспор и землячеств; высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку иностранных студентов.

При декларировании перехода к данной модели в качестве базовой для системы публичного управления целесообразно конкретизировать понятие «социальные барьеры коммуникации», описав особенности данных барьеров в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций и оценить уровень их проявления.

Методы исследования социальных барьеров пространства публичных коммуникаций

Выявление социальных барьеров было осуществлено на основе аналитического обзора публикаций по социальным барьерам коммуникации и факторам, затрудняющим взаимодействие в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций с последующей систематизацией и классификацией. Оценка уровня их проявления осуществлялась на основе данных экспертного опроса, проведенного в ноябре 2020 года в Курском области как типичном приграничном моноэтническом регионе (типичность определялась по социально-экономическим и миграционным показателям Росстата¹). В значительной части приграничных субъектов РФ численность русского населения составляет более 90%, что позволяет признать их моноэтническими регионами. Таким образом результаты экспериментного опроса можно распространить

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики, официальный сайт: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

на большую часть приграничных моноэтнических регионов. В опросе приняли участие 100 представителей, выделенных нами стейкхолдеров, которые своей деятельностью затрагивают отношения в сфере межконфессиональных и межнациональных отношений. В их число вошли представители диаспор и религиозных конфессий, масс-медиа, государственные служащие Комитетов молодёжной политики и туризма, информации и печати и внутренней политики Курской области, муниципальные служащие администраций г. Курска, Железнодорожного и Центрального округов и Курского района, члены общественных, молодежных, волонтерских организаций и политических партий, проводящих мероприятия на национальную тематику, работники международных отделов вузов Курска и профессорско-преподавательский состав кафедр, работающих с иностранными студентами, сотрудники правоохранительных органов (Управление по вопросам миграции и Центр противодействия экстремизму МВД России, отделы полиции по г. Курску и Курскому району), а также блогеры и лидеры общественного мнения, пишущие на национальную тематику.

Социальные барьеры пространства публичных коммуникаций: содержание понятия

При анализе факторов, затрудняющих коммуникацию, в научных публикациях применяются такие термины как «коммуникативные барьеры», «коммуникационные барьеры» и/или «информационно-коммуникационные барьеры». В частности, Е.В. Карпенко обращается к термину «коммуникативные барьеры», подвергая анализу «помехи, возникающие в процессе взаимодействия власти и общества, препятствующие эффективному осуществлению социального управления, порождающие разную интерпретацию сообщений и ведущие к рассогласованию социальных интересов» [Карпенко]. Отметим позицию А. М. Зимичева, который исследовательское внимание акцентирует на том, что коммуникативные барьеры – это факторы, служащие причиной (детерминантой) конфликтов [Зимичев]. А профессор А. В. Соколов оперирует в своих исследованиях коммуникационными барьерами, рассматривая последние как препятствия, возникающие на пути движения смысла от коммуниканта к реципиенту [Соколов]. А такой исследователь как Д. П. Хижняков обращается к более общему, по его мнению, термину – «информационно-коммуникационные барьеры», который используется им для обозначения побочного эффекта информационно-коммуникационной деятельности в социальном управлении. Барьеры такого рода появляются «на различных отрезках пути движения информации по информационно-коммуникационным каналам от источника к реципиенту(адресату) информации, и обратно» [Хижняков: 129]. Выше приведенных примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы уяснить сущность барьеров коммуникации. В данном случае **факторы социальной организации, которые мешают осуществлять в полном объеме коммуникации между представителями заинтересованных сторон будем именовать именно барьерами коммуникации**, чтобы не вдаваться информационные (содержательные) и коммуникационные (структурные) аспекты.

Анализ классификаций барьеров при осуществлении коммуникаций позволяет отметить большое их многообразие из-за применения разных оснований (правда в некоторых случаях явно непрописанных). Например, Е. В. Карпенко в системе коммуникаций регионального уровня публичного управления выделяет пять типов таких барьеров: субъективные, социокультурные, социально-стратификационные, социально-институциональные, инфраструктурно-технологические [Карпенко]. Наиболее развернутую классификацию можно встретить в работе О.А. Васильевой, которая выделяет социокультурные (социально-статусные), культурные, мировоззренческие, профессиональные, личностно-психологические, смысловые, организационные и технические [Васильева: 88]. Но такая классификация явно избыточна из-за фактического дублирования некоторых барьеров (культурного, смыслового и мировоззренческого). В своём диссертационном исследовании Т.А. Бочарова среди коммуникационных барьеров, которые создают трудности при взаимодействии контрагентов информационно-аналитической работы, выделяет технические, инструментальные, организационные, статусные, семантические и психологические [Бочарова: 133].

Отметим, что для барьеров коммуникаций имеются и более примитивные варианты классификаций. Например, в работе Г.В. Пушкарёвой указывается на такие два затрудняющих процесс коммуникации фактора как психологический и инфраструктурный [Пушкарёва: 131]. Г.М. Андреева разделяет коммуникативные барьеры на те, что связаны с погрешностями в каналах передачи информации, и те, что порождены социальными причинами [Андреева]. В классификации А.И. Левина и О.М. Кобылкиной обнаруживается деление коммуникационных барьеров на технические, психологические, социальные [Левин, Кобылкина]. Возможно, все эти классификации имеют право на существование, но для исследуемой проблематики важнее, что практически каждый исследователь выделяет барьеры, относящиеся к особенностям жизнедеятельности людей и их отношений в обществе, то есть социальные барьеры.

На наш взгляд, в контексте организации диалога и партнерства особое внимание необходимо уделить социальным барьерам коммуникации, при этом последние трактовать как совокупность социальных факторов, ведущих к рассогласованию интересов заинтересованных сторон и препятствующих их эффективному взаимодействию при решении общественно значимых проблем в определенной сфере жизнедеятельности общества (в нашем случае – в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений).

Классификация социальных барьеров пространства публичных коммуникаций

Социальные барьеры в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникации безусловно имеют свою специфику. Если отталкиваться от структуры двусторонней симметричной коммуникации, в рамках которой можно выделить коммуникаторов, сообщение, каналы, эффективность / результат и ситуация, то социальные барьеры можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, для коммуникаторов эти барьеры проявляются как низкая активность, различия тезаурусов коммуникаторов и их низкая коммуникативная и коммуникационная компетентность. **Низкая активность и инициативность представителей заинтересованных сторон** выражается в нежелании обсуждения этноконфессиональных проблем в пространстве публичных коммуникаций. Как правило, национально-специфические компоненты культур чаще всего создают проблемы межкультурной коммуникации, которые достаточно хорошо изучены и описаны [Катеринич, Петренко, Мустафаев; Кузьмин]. Но на наш взгляд, в контексте заявленной проблематики необходимо рассматривать тезаурусы как стойкую, эмоционально окрашенную, детерминированную культурой упрощенную информационную модель (картину) социокультурной реальности. И именно **различия тезаурусов**, возникающие из-за их принадлежности к разным сегментам общекультурного пространства страны, выступает социальным барьером коммуникации. **Недостаточная компетентность** представителей заинтересованных сторон может проявляться, с одной стороны, в низком уровне владения информационно-телекоммуникационными технологиями социально-сетевого взаимодействия (низкая коммуникативная компетентность), а с другой стороны, у участников взаимодействия недостаточные знания, навыки и умения налаживания отношений между представителями различных культур.

Во-вторых, для сообщений (месседж) – это фальсификации сообщений и имитация процесса коммуникации. Существование так называемого **фальсификационного барьера** связано с распространением слухов или дезинформации в пространстве публичных коммуникаций [Каширина]. Органы власти, реализующие государственную национальную политику, не всегда честны перед другими стейкхолдерами, потому что им необходимо давать информацию в определенном свете – в контексте мероприятий и целевых показателей региональных государственных программ (подпрограмм) гармонизации межнациональных отношений и предотвращение этнических конфликтов. Для пространства публичных коммуникаций в целом, как и для его этноконфессионального сегмента, также характерна **имитация процесса коммуникации** между органами власти и представителями заинтересованных сторон. Сегодня процесс взаимодействия с представителями заинтересованных сторон идет под жёстким контролем органов власти и вследствие этого обюрокрачиваются, лишается живого диалога. Чиновники, не усматривая необходимости в системном и реальном взаимодействии со структурами общества, имитируют общественный диалог [Бабинцев].

В-третьих, для каналов коммуникации – это их несовпадение и барьер обратной связи. **Несовпадение каналов коммуникации** возникает из-за того, что несмотря рост значимости социальных медиа, госорганы продолжают быть ориентированы на традиционные массмедиа, такие как печать, радио и телевидение. А в социальной сети на сегодня фиксируется незначительное количество аккаунтов госструктур, в ведении которых находятся вопросы взаимодействия с представителями национальных объединений и диаспор, а также несовпадение распределения в социально-сетевом пространстве публичных ком-

муникаций, с одной стороны аккаунтов некоммерческих организаций, которые созданы по национальному признаку, а также представителей национальных общин и диаспор, а с другой – аккаунтов региональных органов власти, осуществляющих взаимодействие с национальными некоммерческими организациями [Зотов, Губанов]. **Барьер обратной связи** возникает в том случае, когда неэффективная обратная связь не дает отправителю достаточно информации о корректности восприятия переданного им сообщения [Мескон, Альберт, Хедоури]. В этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций он проявляется в том случае, если у органов власти субъекта РФ нет действенных мониторинговых инструментов, позволяющих определять мнение, узнавать позиции представителей заинтересованных сторон на различные события в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, отслеживать тенденции и настроения в региональном социуме среди коренного населения, диаспор и мигрантов, прогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

В-четвертых, для ожидаемого результата – это его **рассогласование**, которое возникает из-за несовпадения видения основных стейкхолдеров роли региона в системе национальной безопасности российского общества как конечного результата реализации государственной национальной политики, а именно рассматривают ли его в качестве пограничного барьера, цивилизационного фронтира или «плавильного котла». В большинстве регионов власти формально декларируют поддержку этнокультурного многообразия, но реально государственные региональные программы ориентированы на адаптацию и дальнейшую интеграцию мигрантов, на задачи по укреплению гражданского единства и формированию российской нации, то есть они видят свою задачу в «растворении» прибывающих мигрантов в региональном социуме. В то время как диаспоры и представляющие их некоммерческие организации ориентированы на равноправные контакты, позволяющие сохранить свою национальную идентичность.

В-пятых, для ситуации коммуникации – это **смещение актуализации событий**, которое происходит из-за того, что процесс взаимодействия между основными стейкхолдерами разворачивается на фоне «повестки дня», которую устанавливают масс-медиа или те, кто является заказчиком новостной ленты [Дьякова]. Последняя может совпадать с обыденной реальностью, а может иметь с ней мало общего. Отметим, что журналисты часто используют новости о конфликтах в межнациональной сфере, так как они всегда востребованы и интересны, тем самым они искажают тему межэтнических отношений, в погоне за сенсационными, скандальными фактами смещают акценты с главного на второстепенное [Борщева].

Оценка выраженности социальных барьеров в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций региона

Как показывают результаты экспертного опроса, большинство опрошенных экспертов считает, что в регионе есть эффективная система взаимодействия

между представителями заинтересованных сторон с целью гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в этноконфессиональной сфере регионе. Так считает 71 %. Сложившиеся взаимоотношения между представителями заинтересованных сторон сферы этноконфессиональных отношений 62 % оценивают как партнерские, четверть экспертов характеризует их как сложные, но конструктивные, 12 % говорит об отсутствии взаимодействия и лишь 1 % об их конфликтности. Но в то же время ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что для успешного решения задач по гармонизации этноконфессиональных отношений и предотвращения конфликтов следует изменить систему организации взаимодействия между представителями заинтересованных сторон?» получены противоположные ответы: 38 % опрошенных считают, что эти отношения следует менять, а 39 %, что нет. Это говорит о желании использования новых форм диалога, при этом существует боязнь разрушить уже выстроенное конструктивное общение.

В Таблице 1 представлена экспертная оценка проявления в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций региона основных социальных барьеров, препятствующие развитию диалога и партнерства. Сводные индексы рассчитывались как разница между утвердительными и отрицательными ответами на вопрос «Что, на Ваш взгляд, препятствует развитию диалога и партнерства в этноконфессиональной сфере между представителями заинтересованных сторон?» (Индекс рассчитан по формуле $I = R_4 + \frac{1}{2} \cdot R_3 - \frac{1}{2} \cdot R_2 - R_1$, где R_4 – доля ответов «да, в полной мере»; R_3 – доля ответов «скорее да, чем нет»; R_2 – доля ответов «скорее нет, чем да»; R_1 – доля ответов «безусловно нет»).

Таблица 1. Оценка экспертами уровня выраженности основных барьеров, препятствующие развитию диалога и партнерства в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций региона / Assessment by experts of the level of severity of the main barriers hindering the development of dialogue and partnership in the ethno-confessional space of public communications in the region

	Социальные барьеры	Индекс оценки	«Затрудняюсь ответить»
Для коммуникаторов	1) низкая активность и инициативность представителей заинтересованных сторон	0,16	7
	2) низкий уровень компетенций представителей заинтересованных сторон в области информационно-телекоммуникационных технологий	-0,05	7
	3) низкий уровень компетенций представителей заинтересованных сторон в области налаживания и реализации этноконфессионального взаимодействия	0,05	9
	4) социально-культурного различия между представителями заинтересованных сторон	0,01	5

Окончание табл. 1

	Социальные барьеры	Индекс оценки	«Затрудняюсь ответить»
Для сообщений (месседж)	5) стремление к имитации процесса коммуникации вместо реального диалога и партнерства	0,22	15
	6) искажение реальной ситуации в угоду собственным интересам	0,02	17
Для каналов коммуникации	7) несовпадение (различия в предположениях) каналов коммуникации между представителями заинтересованных сторон	0,02	25
	8) отсутствие обратной связи (отсутствие реакции одних заинтересованных сторон на действие других)	0,09	16
Для ожидаемого результата	9) рассогласование ожидаемых результатов от диалога и партнёрства	0,03	19
Для ситуации коммуникации	10) смещение в масс-медиа акцентов этноконфессиональной проблематике	0,08	18

Данные, представленные в таблицы, показывают, что все барьеры, выделенные нами, признаются экспертами в качестве таковых, за исключением низкого уровня компетенций представителей заинтересованных сторон в области информационно-телекоммуникационных технологий. Здесь в экспертной среде преобладает мнение, что это не препятствует развитию диалога и партнерства в этноконфессиональной сфере между представителями заинтересованных сторон.

Заключение. Дальнейшее развитие этноконфессионального пространства публичных коммуникации связано с необходимостью разрешения определенного круга проблем, а именно преодоления ряда социальных барьеров коммуникации, под которыми предложено понимать факторы социальной организации, которые мешают осуществлять в полном объеме коммуникации между представителями заинтересованных сторон. Анализ имеющихся публикаций, сложившейся практики коммуникаций позволяет выделить следующие социальные барьеры пространства публичных коммуникаций: для коммуникаторов эти барьеры проявляются как низкая активность и инициативность, различия тезаурусов коммуникаторов и их низкая коммуникативная и коммуникационная компетентность; для сообщений – это фальсификация сообщений и имитация процесса коммуникации; для каналов коммуникации – это их несовпадение и барьер обратной связи; для ожидаемого результата – это его рассогласование; для ситуации коммуникации – это смещение актуализации событий. По данным экспертного опроса среди данных барьеров ключевыми для этноконфессионально-

го пространства публичных коммуникаций следует назвать низкую активность и инициативность представителей заинтересованных сторон, стремление к имитации процесса коммуникации вместо реального диалога и партнерства, отсутствие обратной связи (отсутствие реакции одних заинтересованных сторон на действие других).

Источники

- Андреева Г.М. (1980). Социальная психология. М.: Изд-во Мос. ун-та.
- Бабинцев В.П. (2017). Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия // Власть. Т. 25. № 3. С. 34-41.
- Борщева Н.Н. (2014). Межнациональная тематика в российских СМИ: профессионально-этический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Т. 8. № 1. С. 90-96.
- Бочарова Т.А. (2009). Технологии информационно-аналитической работы в органах исполнительной власти региона: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Белгород.
- Васильева О.А. (2012). Эффективная обратная связь – ключевой фактор успешности коммуникационного процесса // Международный научно-исследовательский журнал. № 6-2 (6). С. 87-89.
- Волкова А.В. (2013). Публичные ценности и система государственного управления в России. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Дьякова Е.Г. (2003). Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. № 3. С. 109-119.
- Зимичев А.М. (1993). Психология политической борьбы. СПб.: Санта.
- Зотов В.В., Губанов А.В. (2020). Социальные сети как основа взаимодействия власти и некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку, в пространстве публичных коммуникаций // Цифровая социология. Т. 3. № 2. С. 35-45.
- Карпенко Е.В. (2009). Социальные условия преодоления коммуникативных барьеров на региональном уровне государственного управления: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Орел.
- Катеринич О.А., Петренко С.П., Мустафаев Ф.М. (2013). Этносфера и проблемы межкультурной коммуникации. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ АПСН.
- Каширина М.В. (2013). Фальсификация как особая форма социального взаимодействия // Социум и власть. №6 (44). С. 11-16.
- Кузьмин А.В. (2006). Миграция: проблемы межкультурной коммуникации. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ.
- Левин А.И., Кобылкина О.М. (2015). Коммуникационные барьеры в системе управления органов государственной власти // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. № 14 (1). С. 167.
- Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. (2019). Основы менеджмента, СПб.: Диалектика.
- Пушкарева Г.В. (2009). Информационные технологии в принятии государственных решений: современный тенденции // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Т. 2. № 2. С. 128-139.
- Соколов А.В. (2002). Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А.
- Хижняков Д.П. (2011). Информационно-коммуникационные барьеры в региональной практике государственного управления // Современные проблемы науки и образования. № 5. С. 129-135.
- Rhodes R.A.W. (1996). The New Governance: Governing Without Government // Political Studies. № 1. Р. 9-26.

■ ■ ■ Identification of Social Barriers in the Ethno-Confessional Space of Public Communication of Border Regions¹

Zotov V.V.¹, Alekseenko A.I.²

1. Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russia.
2. Southwest State University, Kursk, Russia.

Abstract. The relevance of the study is substantiated by the need to develop effective measures for localization and overcoming possible negative consequences of ethno-confessional processes in the border regions of the Russian Federation, which is achieved with a developed level of the ethno-confessional space of public communication. The methodology for organizing such a space is based on the concept of public values management, which considers social development through the prism of active involvement of stakeholders in the discussion of socially significant tasks and participation in the implementation of the decisions made. The aim of the work is to determine the social barriers of this space that impede the interaction of its stakeholders. Based on systematization of relevant publications, the authors reveal the essence of the concept of "social barrier of communication" and classify them; based on the expert survey conducted by the authors in 2020 among representatives of the main stakeholders, level of manifestation of the identified social barriers is determined.

Scientific novelty of the paper consists in the introduction of the definition of social barriers in the ethno-confessional space of public communications, the author's classification of these barriers based on the structure of two-way symmetric communication, within which communicators, message, channels, efficiency / result and situation can be distinguished. This classification made it possible to single out the following social barriers to communication: for communicators, these barriers are manifested as low activity and initiative, differences in the thesauri of communicators and their low communicative and communication competence; for messages – falsification of messages and imitation of the communication process; for communication channels – their mismatch and a feedback barrier; for the expected result – its mismatch; for a communication situation – the displacement of the actualization of events. According to the expert survey, among these barriers, the key ones are low activity and initiative of representatives of stakeholders, the desire to imitate the communication process instead of real dialogue and partnership, and the lack of feedback (lack of reaction of some stakeholders to the actions of others).

Keywords: ethno-religious relations, border region, public communications space, stakeholders, social barriers, conflict prevention, harmonization of relations, national policy

For citation: Zotov V.V., Alekseenko A.I. (2021). Identification of Social Barriers in the Ethno-Confessional Space of Public Communication of Border Regions. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 139-150. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-139-150.

¹ The research is granted RFBR, grant 19-011-00835 A Formation of the space of public communication as a condition for reducing the risks of interethnic and ethno-confessional conflicts in border regions.

Inf. about the authors: Zotov Vitaliy Vladimirovich – Dr. Sc.(Soc.), Prof., Professor at the Department of Philosophy, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University); Alekseenko Aleksandr Ivanovich – Cand.Sc.(Soc.), Associate Professor of the Department Philosophy and Sociology, Southwest State University. *Address:* 141701, Russia, Moscow region, Dolgoprudny, per. Institutskii, 9. E-mail: om_zotova@mail.ru, alex-2-alex@mail.ru.

Received: 10.01.2021. *Accepted:* 22.01.2021.

References

- Andreeva G.M. (1980). Social psychology. M.: Publishing House of Moscow University (In Rus.).
- Babintsev V.P. (2017). Authority and society in the provincial region: specifics of interaction. *Vlast'*. Vol. 25. No. 3. P. 34-41 (In Rus.).
- Bocharova T. A. (2009). Technologies of information and analytical work in the executive bodies of the region: dissertation... candidate of sociological sciences: 22.00.08. Belgorod (In Rus.).
- Borschева N.N. (2014). Interethnic topics in russian media: professional and ethical aspect. *Topical problems of humanities and socio-economic sciences*. Vol. 8. No. 1. P. 90-96 (In Rus.).
- Dyakova E.G. (2003). Mass Political Communication in the Agenda-Setting Theory: from Effect to Process. *Polis. Political Studies*. No.3. P. 109-119. DOI 10.17976/jpps/2003.03.11 (In Rus.).
- Karpenko E.V. (2009). Social conditions for overcoming communication barriers at the regional level of public administration: dissertation... candidate of sociological sciences: 22.00.08. Oryol (In Rus.).
- Kashirina M.V. (2013). Falseointeraktsiya as a special form of social interaction. *Society and Power*. No. 6 (44). P. 11-16 (In Rus.).
- Katerinich A.A., Petrenko S.P., Mustafaev F.M. (2013). Ethnosphere and problems of intercultural communication Rostov-on-Don: SCNC VSH APSN (In Rus.).
- Khizhnyakov D.P. (2011). Information-communication barriers in regional state administration practice. *Modern problems of science and education*. No. 5. P. 129-135 (In Rus.).
- Kuzmin A.V. (2006). Migration: problems of intercultural communication. Ulan-Ude: Publishing House of VSSTU (In Rus.).
- Levin A.I., Kobylkina O.M. (2015). Communication barriers in the management system of public authorities. *State and society: yesterday, today, tomorrow. Series: Sociology*. No. 14 (1). P. 16-27 (In Rus.).
- Mescon M.H., Albert M., Khedouri F. (2019). Basics of Management. St. Petersburg: Dialectics (In Rus.).
- Pushkareva G.V. (2009). Information technology in public decision-making: modern trends. *Problem analysis and public management design*. Vol. 2. No. 2. P. 128-139 (In Rus.).
- Rhodes R.A.W. (1996). The New Governance: Governing Without Government. *Polis. Political Studies*. No 1. P. 9-26 (In Rus.).
- Sokolov A.V. (2002). General theory of social communication. St. Petersburg: V.A. Mikhailov Publishing House (In Rus.).
- Vasilieva O.A. (2012). Effective feedback is a key factor in the success of the communication process. *International Research Journal*. No. 6-2 (6). P. 87-89 (In Rus.).
- Volkova A.V. (2013). Public values and the system of public administration in Russia. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Rus.).
- Zimichev A.M. (1993). Psychology of political struggle. St. Petersburg: Santa (In Rus.).
- Zotov V.V., Gubanov A.V. (2020). Social networks as a basis for interaction between authorities and non-profit organizations established on the basis of nationality in public communications space. *Digital sociology*. Vol. 3, No. 2, P. 35-45. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-2-35-45 (In Rus.).